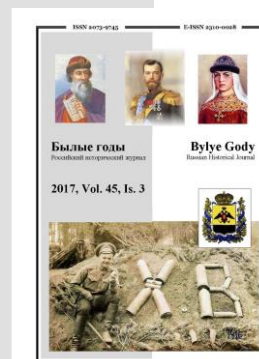

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 785-793, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.785
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.253

The Causes of the Flow and Evolution of the Petitions in the Composition of the Cases on Personnel Movements Clerics in the XVIII – beginning of XX centuries (on the example of the Churches of Tobolsk Diocese)

Alexandra V. Spichak^{a, *}

^a Nizhnevartovsk state University, Russian Federation

Abstract

The article describes the features of the reshuffle of the Russian Orthodox Church (on materials of Tobolsk diocese). Discusses the documents that accompanied the translation process is sacred – and clergymen in other churches, stored in the State archive of Tyumen region in Tobolsk. These materials, including describing the Affairs of the Tobolsk spiritual Consistory of this translation, provide an opportunity to identify causes and to follow the procedure of movement of persons of spiritual Department. As archival documents testify, the difficult financial situation was the main reason for filing petitions for the translation of sacred and Church in the Synodal period in the history of the ROC. Other reasons for transfer were as follows: for employees – a limited number of parishioners from which to borrow money for the rites, or ignorance of the language of indigenous people, moving in with relatives due to difficult family circumstances (not related to financial issues), lack of education, desire to leave the monastery (for example, with the onset of widowhood), and dismissed – lack of content and those who would have to take care of them; in the latter case, they were transferred to the churches or monasteries, which served as their relatives. The analysis of archival documents allowed us to trace the evolution of the form of petition to transfer (the middle of XVIII – early XX centuries), which appeared to improve the national administration (in contrast to accounting and reporting of Church documentation, special regulations concerning this type of documents were found, the exception is the approval of a requirement for mandatory separation of the text of the petitions on the points).

Keywords: HR outsourcing, the Russian Orthodox Church, diocese of Tobolsk, the Tobolsk spiritual Consistory of the parish Church, persons of spiritual Department, their financial status, transfer to another Church, the reasons for staff changes, a petition for transfer.

1. Введение

Вместе со служилыми людьми и промышленниками в Сибирь в конце XVI в. пришла новая религия – православие. Обосновываясь за Уралом, русские сибиряки устанавливали и идеологические символы своего присутствия. В 1620 г. учреждается самая обширная в России епархия – Тобольская и Сибирская. Какие зигзаги жизненного пути предложит судьба и как сложится карьера начинающего священнослужителя, предугадать было невозможно. Кто-то всю жизнь оставался на одном месте служения, других ожидали долгие странствия (Конюченко, 2005: 80). Желание сменить приход владело многими клириками, и епархиальные архиереи негодовали от количества поступающих заявлений. Стремление перейти в лучший приход было самым распространённым и обычным явлением во всех епархиях (Конюченко, 2005: 76). В Русской православной церкви (далее – РПЦ), как и в других ведомствах Российской империи, сложились

* Corresponding author

E-mail addresses: spichak-89@mail.ru (A.V. Spichak)

процедуры кадровой перестановки. В частности, дела о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую вела Тобольская духовная консистория (далее – ТДК). Архивные материалы позволяют проследить состав этих дел, определить их особенности и общие черты.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает опубликованные и неопубликованные документы. Среди публикаций источников наибольший интерес представляет «Полное собрание законов Российской империи». Помимо официальных изданий законов, привлекают внимание тематические сборники, в которых помещены нормативные правовые акты по духовному ведомству. Особенно следует выделить «Церковное писмоводство» И.Л. Чижевского, составленное на основании распоряжений Синода. Выявление неопубликованных материалов по избранной теме велось в Государственном архиве в г. Тобольске. Объектом изучения стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория», в котором было обнаружено более 1,5 тыс. дел о переводе духовных лиц в другую церковь (изредка монастырь) за 1750–1917 гг. Степень полноты и сохранности архивных фондов различна. В частности, по ряду объективных и субъективных причин плохо сохранились документы приходских церквей за первую половину XVIII в.

Изучение проблемы проводилось на стыке документоведческой, исторической, источниковедческой и историко-правовой сфер исследования. Методы историзма и сравнительно-исторического анализа дали возможность раскрыть особенности кадровых перестановок РПЦ в Тобольской епархии на протяжении XVIII – начала XX вв. и определить причины подачи прошений духовенством о переводе на определенном историческом этапе. Системный и сравнительно-исторический анализ применялся в целях изучения комплекса документации, сопровождавшей процесс перевода в другое место служения, что дало возможность представить целостную картину развития формуляров документов приходских церквей на протяжении указанного периода. Метод функционального анализа позволил изучить динамику трансформации форм прошений и выделить причины их эволюции. Благодаря использованию методов унификации и стандартизации документов удалось выяснить, что, начиная со времен Петра I, правительство было обеспокоено наличием избыточного количества документов, в том числе в деятельности РПЦ, и стремилось сократить их состав путем унификации, классификации и стандартизации.

3. Обсуждение

Вопросы документирования трудовых отношений в историческом плане практически не исследованы. В ряде источниковедческих работ советского времени (Семенова, 1963: 475–493), посвященных вопросам формирования рабочего класса, так или иначе затрагиваются вопросы документирования, но отдельно от эволюции общей документной системы. Документирование же трудовых отношений в дореволюционный период остается почти неизученным. Исключением является «Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР» А.В. Елпатьевского (Елпатьевский, 1978: 102).

Утверждения ряда исследователей (Фруменкова, 1986; Римский, 1997) о полном огосударствлении церкви и превращении ее служителей в государственных чиновников нельзя считать бесспорными. По мнению Д.Е. Мануйловой, духовенство, несмотря на попытки придания ему бюрократических функций, не превратилось в действительных государственных чиновников. Попытки устранить через систему назначений и оплаты зависимость клира от паствы, с точки зрения Д.Е. Мануйловой, на положении низшего духовенства практически не сказались (Мануйлова, 1978: 64). Причины переводов в другую церковь исследовал А.И. Конюченко, пытаясь учесть данные по нескольким епархиям, однако Тобольская осталась практически обойденной вниманием (Конюченко, 2005: 69–84).

В зарубежной историографии наиболее фундаментальные работы по истории жизнедеятельности российского духовенства XVIII–XX вв. принадлежат американскому историку Г.Л. Фризу (Freeze, 1983: 450–480).

Отражению эволюции прошений в Тобольской епархии в работах отечественных исследователей в XVIII–XX вв. посвящена отдельная статья автора (Спичак, 2016: 29–33).

Следует отметить, что важным достижением историографии последних двух десятилетий является значительный рост внимания к региональному аспекту церковной истории. Работы с таким аспектом создают новую, более точную, насыщенную фактическими деталями картину развития приходского духовенства на протяжении синодального периода в различных губерниях Российской империи и дают необходимый материал для сравнения. Включение в это исследовательское пространство данных о положении духовенства Тобольской епархии становится, таким образом, особенно актуальным.

А.И. Конюченко разделил основную часть переходов приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. на три группы: из небольших приходов в более богатые; ротационные – смена прихода на равноценный; из состоятельного прихода в менее доходный. По мнению исследователя, в основе передвижений лежали различные конфликтные ситуации, стремление улучшить своё материальное положение, семейные обстоятельства. Синодальная практика переводов архиереев давала нежелательный пример для подражания духовенству и активизировала процесс

движения кадров в епархиальном ведомстве. Предстоит определить, подтвердится ли допущение о том, что и в Тобольской епархии большинство переходов совершалось по экономическим причинам, когда в поисках более доходных приходов и мест белое духовенство разрывалось между пастырским долгом и обязанностью содержать семью (Конюченко, 2005: 82).

Таким образом, учеными анализировались различные вопросы, касающиеся невыгодного финансового положения белого духовенства в Российской империи и связанными с этим обстоятельством кадровыми перестановками, а также с формой и содержанием прошений. В то же время причины подачи и эволюция прошений о кадровых перемещениях духовных лиц в Тобольской епархии в XVIII – начале XX в. остаются неизученными.

4. Результаты

Чтобы лучше понять причины кадровых перемещений духовных лиц, необходимо знать об их состоянии в XVIII – начале XX вв., в том числе финансовом положении. Приходское духовенство получало содержание, в первую очередь, с доходов от служения треб. Кроме этого, получение доходов происходило из добровольных пожертвований прихожан; от государства в виде субсидий натурой или деньгами; с церковных земельных участков. Данная ситуация по своей сути означала попадание священнослужителей в экономическую зависимость от прихода. В прошениях о переводах очень часто встречается следующая формулировка: «в настоящее время мои псаломнические средства по причине бедности прихода являются недостаточными, так что приходится терпеть страшную нужду, переносить холод и голод» (Калашников, 2009: 129–132). Финансовая зависимость священнослужителей от прихода привела во второй половине XIX – начале XX вв. к неуважительному отношению крестьян к священникам, которых презирали как туенядцев, живущих за счет прихожан. Народные поговорки пореформенного периода высмеивали «жадность» причта: «у попа глаза завидущие, руки загребущие», «поп живого, мертвого дерет» (Mikhailova, 2014: 566). Тяжелое финансовое положение считается главной причиной подачи прошения о переводе священно- и церковнослужителей на протяжении синодального периода истории РПЦ.

Духовные лица оформляли прошения по закреплённому на законодательном уровне требованиям. Правила составления прообраза прошений – челобитных – утвердили 5 ноября 1723 г.: текст требовалось писать пунктами, «так чисто, чтобы что написано в одном пункте, в другом того не было». Форму документа санкционировали с 1724 г.: «Титло. Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, то следуют пункты, и писать пункт за пунктом. Прошу Вашего Величества, о сем моем челобитие решение учинить» (ПСЗРИ, 1830а: 147–150). Прошения с 12 декабря 1796 г. разрешалось подавать только от одного лица (ПСЗРИ, 1830б: 232). Государственный совет 8 июля 1843 г. распорядился отказывать в приеме прошений, не разделенных на пункты, так как между ними оставались пробелы, в которых «легко незаметным образом вставить несколько слов, могущих придать прошению совершенно другой смысл» (ПСЗРИ, 1844: 457). Согласно указам Синода от 31 декабря 1856 и от 30 ноября 1873 гг., прошения надлежало составлять на гербовой бумаге четвертого разбора и по установленной форме. С прилагаемых к прошениям документов следовало делать копии на гербовой бумаге третьего разбора, иначе жалобы оставались без внимания (Чижевский, 1881: 180–181). При подаче прошения о перемещении на другие места дьяконы и причетники обязывались вместе с просьбами представить удостоверения своих приходских священников об отсутствии к этому препятствий. Прошения об обмене местами службы и условия, на которых происходил такой обмен, следовало писать в присутствии местного благочинного, который утверждал документы своей подписью. Если один из обменивающихся лиц не мог явиться лично к преосвященному для подачи прошения, то должен был «означить в рукоприкладстве», что доверяет подать прошение за него другому лицу (Чижевский, 1881: 178–181).

Тяжелое финансовое состояние духовного лица. Важной особенностью существования индивида в составе духовного сословия была его зависимость от церковного прихода, что обуславливалось профессиональным характером служения в церкви мужской части данного сословия. Так, Петр Соколов был произведен в священники 1 апреля 1750 г., определен к тричастной Троицкой церкви Рафаиловой вотчины Тобольского уезда. 9 марта при топчении печи церковь «нечаянно сгорела», после чего П. Соколов перестал получать подаяния, из-за чего его семья стала «претерпевать» «немалую скудость». По этой причине 18 июня 1751 г. он просил перевести его в любую другую церковь на благоусмотрение преосвященного (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1010. Л. 2).

Дьячку Василию Хаймину 20 января 1759 г. была дана благословенная дьяконская грамота (ставленная), благодаря которой его определили в стихарь в церковь с. Теченского Долматовского заказа Екатеринбургского ведомства (в 1759 г. относилась к Тобольской епархии), однако там уже имелся второй дьячек (Алексей Попов), и на содержании их двоих у приходских людей не хватало подаяния. Вскоре Василию Хаймину поступило приглашение от священника вместе с прихожанами в церковь Первоверховных апостолов Петра и Павла Петропавловского села того же заказа, о чем он подал прошение в ТДК 3 октября 1761 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 158. Л. 2–2 об.)

Никита Некрасов служил при тобольском Троицком соборе священником, однако находился на малом жалованье, отчего «пришел в великую скудость». Узнав, что при Христорождественской

церкви имелось вакантное место, он подал прошение о переводе в 1785 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 2845. Л. 2).

Дьякон Петропавловской церкви с. Березово Тобольского Подгородного уезда Евфилий Попов, рукоположенный в дьяконы, в 1776 г. жил с престарелой и больной женой как на свои средства, так и на подаяние прихожан. Однако со временем сил стало не хватать, к тому же Е. Попов был вынужден снимать квартиры, потому что его собственный дом около двух лет до подачи прошения снесло в наводнение Иртыша. В 1815 г. дьякон просил перевести его в Троицкую церковь с. Дубровного, где служил дьячком его сын Иван Попов, надеясь на его материальную помощь (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1424. Л. 2–20б.).

Священник березовской городской Богородской церкви Василий Скосырев начал службу дьячком в 1830 г. при шеркальской Спасской церкви, в 1837 г. был рукоположен в священника и к Чемашевской церкви, а в 1844 г. переведен к Богородской церкви в г. Березове. С 1849 г. он являлся членом Березовского духовного правления, духовником Березовского округа и сотрудником Тобольского попечительства о бедных. Однако из-за постоянной головной боли В. Скосыреву пришлось оставить не только все перечисленные должности, но даже ежедневную церковную службу и исполнение христианских треб, которые приносили финансовую выгоду. У священника была большая семья: 4 дочери и 2 сына. В 1854 г. ему пришлось просить о переводе в с. Шеркальское Березовского ведомства местным священником с правом получать полный оклад жалования и именоваться старшим священником, ссылаясь на то, что находящийся при шеркальской Спасской церкви священник Иван Пономарев, хотя и стар, но еще имеет достаточно сил, чтобы содержаться за счет проведения треб, тем более, что у последнего был работающий пономарем сын, который мог помогать отцу (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 534. Л. 1а–2 об.).

Священник Воскресенской церкви с. Бешкильского Ялуторовского ведомства Иоанн Гусев поступил в 1847 г. в священники Спасскую церковь с. Уватского Тобольского ведомства, не закончив из-за болезни полного курса в богословском классе, был переведен в 1859 г. к Воскресенской церкви с. Бешкильского Ялуторовского ведомства. Она, хотя и причислялась ко второму классу, но в 1860 г. часть прихода была отделена во вновь учрежденный приход, и в бешкильском приходе осталось всего 600 человек, из которых половина приходилась на долю раскольников, не помогающих в содержании семьи священника, включавшей восемь детей. К 1865 г. Иоанн Гусев стал испытывать затруднения из-за обучения сына в училище, а через год еще трое из его сыновей должны были пойти учиться. По этим причинам священнику пришлось просить перевести его на «праздное» (свободное) место в 12 верстах от с. Бешкильского (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 797. Л. 1–1 об.).

По причине отсутствия необходимого образования. Священник единоверческой церкви с. Сосновского Ялуторовского ведомства Василий Серебренников служил в приходе Пророко-Ильинской единоверческой церкви с. Сосновского Ялуторовского округа псаломщиком на протяжении пяти лет, успел проявить себя перед прихожанами с лучшей стороны и даже благодаря их прошению получил священнический сан. Из прихожан большая часть относилась к раскольникам, которые требовали пастырской обязанности «присоединять заблудших овец к стаду Христову», однако священник не имел достаточного образования для обращения к православной вере, и понимая, что не мог быть полезным в полной мере в данном приходе, в 1893 г. решил перейти в другую церковь (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1651. Л. 2–2 об.).

Незнание языка. В инородческих приходах считалось важным ставить священников, знающих языки местного неславянского населения (Конюченко, 2005: 74–75). Вступление в брак и проезд до Березова ввергли в долги иерея Богородице-Рождественской церкви этого города Андрея Таркова, а родных, которые могли бы материально помочь, он не имел. Священник жил уже 5 лет в Березове, приход был малолюдный (причем прихожане с трудом могли содержать себя, не говоря уже о священнике), в основном состоящий из остяков, языка которых А. Тарков не знал и поэтому не мог проводить требы. Несколько более обеспеченных семей снабжали его только квартирой. Из-за этого А. Тарков не только не смог выплатить прошлый долг, но и ему пришлось вновь занимать деньги у прихожан. В 1815 г. А. Тарков просил о перемещении его в упраздненный г. Сургут к Свято-Троицкой церкви на праздную священническую вакансию (ГАТ. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1655. Л. 2–20б.).

Переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств. У священника Прокопьевской церкви Низчернавского села Ялуторовского ведомства Терентия Трапезникова был тяжелобольной 17-летний сын, служивший с 9 мая 1771 г. пономарем. 2 февраля 1773 г. умерла жена иерея, и ухаживать за сыном стало некому, а самому же Т. Трапезникову было некогда из-за священнослужения и домашних дел. Он имел также 11-летнюю дочь и двух малолетних детей, оставшихся после смерти его брата. В селе Низчернавском у Т. Трапезникова не было других родственников. Как писал проситель, даже шить одежду и мыть детей он не располагал временем. Т. Трапезникову тяжело было выполнять домашнюю работу и ввиду немолодого возраста (52 года). В Царево городище, где жил брат Т. Трапезникова, находилась также и его близкая родственница. Он просился в Христорожественскую церковь на место священника Ильи Серебренникова, который соглашался на обмен, тем более что его сын – дьячек Михайло – хотел быть при отце на месте его больного сына Варфоломея, о чем священник Серебренников написал обязательство для представления преосвященному 15 февраля 1773 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 287. Л. 2–2 об.)

Проживающая у священника Вознесенской церкви с. Чирковского Ишимского ведомства Сергея Бессонова сестра его жены, являвшаяся вдовой, просила его о переезде в с. Боголюбовское Петропавловского ведомства, где покоятся останки ее мужа и дочери, да и он сам, «побуждаемый родственными чувствами», хотел туда переехать, о чем подал прошение в 1876 г. (ГАТ. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1252. Л. 1а–1а об.) Бывало наоборот, что священно- или церковнослужитель желал переехать в другое населенное место из-за тяжелого финансового положения не своего, а своих родственников, которым хотел помочь. Например, в 1909 г. псаломщик Богоявленской церкви с. Гилевского Тюменского уезда Андрей Шифалиев просил перевести его в Успенскую церковь с. Кармакского того же уезда, чтобы иметь возможность помогать своей семье – матери и сестре (ГАТ. Ф. 156. Оп. 18. Д. 660. Л. 1а).

Желание уйти в монашество. Никита Словцов в 1770 г. был посвящен в стихарь и определен пономарем в Богословскую церковь села Чурманского Краснослободского заказа пономарем. У него появилось желание принять монашество и обитать при тобольском Знаменском монастыре (ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 536. Л. 1а). Священник Спасской церкви села Шеркальского Березовского ведомства Яков Вологодский в 1818 г. был лишен своего звания, в том же году умерла его жена, и с того времени он находился на содержании у родственников. В 1820 г. Я. Вологодский просил «по вдовству» определить его в Кондинский Троицкий монастырь с «производством штатного жалованья и провизиона» (ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 327. Л. 1).

Таким образом, большинство из изученных прошений о переводе духовных лиц в другую церковь подавались в ТДК по причинам, связанным с нехваткой средств, чтобы обеспечить нормальную жизнедеятельность: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей (это не давало возможности проводить обряды), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники. Однако изредка встречаются и другие мотивы перемещения: переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования и др. Среди дел о переводе также встречаются прошения о желании вдовца уйти в монастырь.

Анализ архивных документов позволил проследить эволюцию формуляра прошения о переводе за середину XVIII – начало XX вв. (к сожалению, более ранняя документация не сохранилась). Реквизитами прошений были (сверху вниз листа): резолюция преосвященного, номер документа, адресат, адресант, наименование вида документа, текст, дата документа, подпись; точка после указания реквизита могла как ставиться, так и не ставиться, что не зависело от года написания прошения.

Самая ранняя резолюция преосвященного обнаружена на прошении 1773 г., до этого решение митрополита указывалось на обороте прошения (например, в 1751 г.), этот реквизит наносился по верхнему полю документа, показывая вначале дату принятия решения. Чаще всего резолюция содержала удовлетворение просьбы, решение дать просителю переходный указ, иногда было написано «предложить к докладу». Епархиальному начальству могли потребоваться дополнительные сведения по делу или согласие настоятеля той церкви или монастыря, куда переводили просителя, причем в первом случае делопроизводственный процесс мог надолго затянуться.

Номер документа (резолюции) проставлялся в верхнем левом углу, напротив резолюции, содержал знак «номер» (№) и цифирный номер, в самых ранних документах (середина XVIII в.) в кавычках, далее без них. С середины XIX в. номер был повернут на 180 градусов влево и отделен от резолюции вертикальной чертой (изредка наклон черты сделались по диагонали).

Адресат указывали по ширине листа более большими, чем текст документа буквами, и с обозначением полного наименования должности преосвященного, всех его регалий, например, в 1751 г.: «Великому господину Преосвященному Сильвестру Митрополиту Тобольскому и Сибирскому»; позднее несколько изменяется наименование звания и титул, так, в 1865 г. писали: «Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному Варлааму Архиепископу Тобольскому и Сибирскому и Кавалеру», а примерно с 1876 г. и до 1917 г.: «Его Преосвященству Преосвященному...». В редких случаях прошения подавались не на имя преосвященного, а в ТДК (1815 г.).

Адресант ставили под адресатом с правой стороны листа. В полный состав данных входили названия епархии (изредка), ведомства (уезда, округа), заказа, населенного места (города, села), церкви, должности, а также имя и фамилия просителя. Порядок перечисленных сведений был разным, чаще всего прямой, но мог являться и обратным либо вообще смешанным, например, в прошениях 1909 и 1916 гг. сначала указана сначала должность, а следом село, церковь, уезд, имя, фамилия. Наименование вида документа обычно указывали по центру листа то с маленькой, то с большой буквы, причем часто к слову «прошение» добавляли прилагательные «всенижайшее» или «покорнейшее».

Тексты отличаются друг от друга по размеру – от двух предложений до трех страниц; со второй половины XIX в. появляется красная строка. Как того требовало законодательство, тексты прошений разделяли на части, первая часть включала описание ситуации, а вторая чаще всего начиналась со слов «того ради» и содержала просьбу о положительной архипастырской резолюции, например, «того

ради преосвященства Вашего покорнейше прошу дать соблаговоление ...» (1751, 1761 гг.), после чего часто указывали название села, церкви, должность, имя и фамилию просителя. Иногда части текста отделяли пробелом (1761 г.). Бывало, что текст делился на три части, как в 1773 г.: 1-я часть включала объяснение сложившейся ситуации, 2-я часть начиналась со слов: «почему желаю я низжайший ...», 3-я часть была отделена пробелом и содержала просьбу: «того ради вашего преосвященства милостивого архипастыря всенижайше прошу ...».

В XVIII в. дата и подпись еще не выделялись из текста, обрамляли его; вначале указывали дату и после фразу, например: «Петр Соколов руку приложил». Разделение даты и подписи впервые обнаружено в 1815 г., однако и позже изредка эти два реквизита заключали текст, как, например, в документе 1820 г. Подпись ставили сразу под текстом рукой просителя (сам документ составлял служитель в ТДК), включая название села, церкви, должности, имя, фамилия и слово «подписуюсь» (не всегда), например: «к сему прошению ... церкви священник Василий Скосырев» (1854 г.). Дата написания прошения указывалась под текстом слева и содержала год, месяц и число, однако в редких случаях обрамляла текст, как в документе 1865 г.

В начале XX в. на прошениях в ТДК могли проставлять штамп, в котором указывали название учреждения («Тобольская духовная консистория»), дату, номер стола и входящий номер, причем последние два сведения вносились от руки. Такой штамп проставлялся под всеми остальными реквизитами.

Причиной эволюции формуляра прошений является закономерное совершенствование общероссийского делопроизводства. Специальных нормативных актов, касающихся оформления данного вида документов, не выявлено, исключением является утверждение требования об обязательном разделении текста прошений на пункты, что в основном соблюдалось, хотя пункты и не нумеровались. Оформление этого вида документов в целом соответствовало установленным правилам, практически не влиявшие на ход дела отклонения от норм зависели от уровня образования и осведомленности в нюансах требований к составлению документов.

Для дел о перемещении духовных лиц из одной церкви в другую предусматривалось наличие определенного комплекса документов. Иницирующим из них являлись «всенижайшие», а чаще «покорнейшие» прошения священно- и церковнослужителей. Процедура перевода в другое место служения была следующей: 1) подача прошения (обычно на имя архиерея, но в качестве исключения в ТДК); 2) с получением прошения ТДК составляла справку о просителе (либо характеристику благочинного или прихожан; 3) спрашивалось «одобрение» прихожан и священника той церкви, в которую хотело перейти духовное лицо (в случае перемещения по болезни к родственникам – обязательство заботиться о нем); 4) все эти документы передавались архиерею для проставления резолюции (по верхнему полю листа); 5) выписка из журнала ТДК об исполнении резолюции, в ней же делались пометы о датах отправки указов и номерах документов; 6) указы в те духовные правления, в чьих ведомствах находились церкви, относившиеся к делу; 7) рапорты о получении указов; 8) если в процессе производства дела появлялись новые обстоятельства, то ТДК подавала об этом рапорт епископу; 9) дополнительные данные мог запросить в своей резолюции архиерей, и тогда ТДК опять же составляла протокол, потом посылала указы и получала в ответ рапорты, и сама составляла рапорт епархиальному преосвященному; 10) итогом дела служил «перехожий» указ, выдаваемый ТДК просителю.

При определении сроков дел выяснилось, что производство по делу о перемещении духовных лиц в другую церковь могло длиться от нескольких дней до нескольких месяцев (3–6), иногда же рассмотрение вопроса затягивалось до года (при переписке между находящимися на большом расстоянии друг от друга учреждениями) и даже больше. Эти данные свидетельствуют о несовершенстве документооборота РПЦ в Тобольской епархии, что непосредственно отражалось на судьбах отдельных духовных лиц.

Бюрократизация церковного ведомства имела как положительные, так и отрицательные последствия. На протяжении синодального периода из-за значительного увеличения объема документооборота стремительно возрастал объем работы с документами, в том числе и в ТДК, почему ее дела о кадровых перестановках часто исполнялись медленно. К положительным чертам бюрократизации можно отнести достаточно полную фиксацию всех аспектов вопросов кадровых переводов священно- и церковнослужителей, отражение в документах дел о перемещениях значительного объема информации о просителях, что, несомненно, важно для исследователей. Введение законодательно установленных форм документов и правил их оформления и ведения должно было предотвратить пропуск записей духовными лицами и чиновниками.

Тем самым подтверждается мнение Е.Б. Макарчевой о возрастании с конца XVIII в. социальной мобильности по горизонтали внутри духовного сословия. Нами не было встречено в архивах дел, содержащих категорический отказ о переводе, крайне редко выносились решения о перемещении не в ту церковь, в которую просился священно- или церковнослужитель.

Документы, фиксирующие трудовые отношения, являются ценными источниками для историко-биографических и историко-социологических исследований и поэтому находятся в сфере пристального внимания архивистов и источниковедов (Елпатьевский, 1978: 132). Несмотря на это,

тема кадрового делопроизводства духовных консисторий, в том числе в Тобольской епархии в XVIII – начале XX вв., пока находится в начале изучения.

5. Заключение

Материалы Государственного архива в г. Тобольске о переводе священно- и церковнослужителей в другую церковь позволили выявить причины и проследить процедуру перемещения лиц духовного ведомства. Как свидетельствуют архивные документы, большая часть духовных лиц была недовольна своим материальным положением, что являлось главной причиной подачи прошений о переводе. Другими причинами перевода были следующие: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей, переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования, желание уйти в монастырь (например, с наступлением вдовства), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники. В результате анализа архивных документов были сделаны выводы об эволюции формуляра прошения о переводе в середине XVIII – начале XX вв., причиной которой явилось совершенствование общероссийского делопроизводства.

Литература

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Елпатьевский, 1978 – Елпатьевский А.В. Краткий очерк истории документирования трудовых отношений в дореволюционной России и в СССР // *Труды ВНИИДАД. Актуальные проблемы архивоведения и документоведения. Естественнонаучные и технические вопросы архивного дела*. Том VII. Часть I. 1978. С. 94–133.

Калашников, 2009 – Калашников Д.Н. «Молитесь чаще, нам прибыли больше!»: к вопросу о материальном обеспечении приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 129–135.

Конюченко, 2005 – Конюченко А.И. Между долгом и поиском лучшей доли (Служебные переходы православного приходского духовенства России во второй половине XIX – начале XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2005. Выпуск № 1. Том 1. С. 69–84.

Мануйлова, 1978 – Мануйлова Д.Е. Церковь как социальный институт. М.: Знание. 1978. 64 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. VII. 1830. СПб.: III Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцелярии. 4344. С. 147–150.

ПСЗРИ, 1844 – ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVIII. Отд. 1. 1844. СПб.: III Отд. Собст. Его Имп. Вел. Канцелярии. 17025.

Римский, 1997 – Римский С.В. Русская православная церковь в XIX веке. Ростов н/Д: Гефест, 1997. 384 с.

Семенова, 1963 – Семенова Л.Н. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века // *Вопросы историографии и источниковедения истории СССР*. М.: Изд-во Академии наук СССР [Ленинградское отделение], 1963. С. 475–493.

Спичак, Рослова, 2016 – Спичак А.В., Рослова Н.П. Отражение эволюции прошений в Тобольской епархии в работах отечественных исследователей (XVIII–XX вв.) // Шатиловские чтения: материалы XVI краеведческой конференции 22 апреля 2016 г. Нижневартовск: ПолитграфИнвест-сервис, 2016. С. 29–33.

Фруменкова, 1994 – Фруменкова Т.Г. Обер-прокуроры Св. Синода (1722–1917) // *Из глубины времен*. 1994. № 3. С. 20–29.

Чижевский, 1881 – Чижевский И.Л. Церковное письмоводство: Собр. правил, постановлений и форм к правильному ведению оного / Сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, 1881. 393 с.

Mikhailova, 2014 – Mikhailova Y.D. Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries // *Bylye Gody*, 2014, № 34 (4), pp. 566–571.

Freeze, 1983 – Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University. 1983. 546 pp.

References

ГАТ – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [The State Archive in the city of Tobolsk] [in Russian].

Elpat'evskii, 1978 – Elpat'evskii A.V. (1978). Kratkii ocherk istorii dokumentirovaniya trudovykh otnoshenii v dorevolutsionnoi Rossii i v SSSR. [A short history of the documentation of labor relations in pre-revolutionary Russia and in the USSR]. *Proceedings of vniidad. Actual problems of archival science and records management. Scientific and technical issues of archival Affairs*, vol. VII, P. I, pp. 94–133 [in Russian].

Kalashnikov, 2009 – *Kalashnikov D.N.* (2009). «Molites' chashhe, nam pribyli bol'she!»: k voprosu o material'nom obespechenii prihodskogo duhovenstva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka ["Pray often, we profit more!": the question of financial support of the parish clergy in the second half of XIX – early XX century]. *Bulletin of the Bulletin of the Chelyabinsk state University*, № 10 (191), History, issue, 39, pp. 129–135.

Konyuchenko, 2005 – *Konyuchenko A.I.* (2005). Mezhdru dolgom i poiskom luchshei doli (Sluzhebnye perekhody pravoslavnogo prihodskogo dukhovenstva Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka) [Between duty and looking for something better (Service transitions Orthodox parish clergy in Russia in second half XIX – early XX century)]. *Vestnik of Chelyabinsk state University*, issue 1, vol. 1, pp. 69–84 [in Russian].

Manuilova, 1978 – *Manuilova D.E.* (1978). Tserkov' kak sotsial'nyi institut. [The Church as a social institution]. Moscow: Znanie, 64 p. [in Russian].

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], 1830, Saint-Petersburg: III Office of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1, vol. VII, 4344, pp. 147–150 [in Russian].

PSZRI, 1844 – CCLRE. 1844, Saint-Petersburg: III Office of His Imperial Majesty's Own Chancellery, col. 2, vol. XVIII, Otd. 1, 17025, pp. 457 [in Russian].

Rimskii, 1997 – *Rimskii S.V.* (1997). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XIX veke. [The Russian Orthodox Church in the nineteenth century]. Rostov-on-don: Gefest, 384 pp. [in Russian].

Semenova, 1963 – *Semenova L.N.* (1963). Dokumenty naima rabochikh v pervoi chetverti XVIII veka [Documents the recruitment of workers in the first quarter of XVIII century]. *Problems of historiography and source studies of history of the USSR*, pp. 475–493 [in Russian].

Spichak, Roslova, 2016 – *Spichak A.V., Roslova N.P.* (2016). Otrazhenie evolyutsii proshenii v Tobol'skoi eparkhii v rabotakh otechestvennykh issledovatelei (XVIII–XX vv.). [A reflection of the evolution of petitions in the Tobolsk diocese in the works of domestic researchers (XVIII–XX centuries)]. *Shatilovskiy cleniy: proceedings of the XVI regional conference on April 22, 2016*, Nizhnevartovsk: PolitraInvest-servis, pp. 29–33 [in Russian].

Frumenkova, 1994 – *Frumenkova T.G.* (1994). Ober-prokurory Sv. Sinoda (1722–1917). [Chief procurators of St. Synod (1722–1917)]. *From the depths of time*, № 3, pp. 20–29 [in Russian].

Chizhevskii, 1881 – *Chizhevskii I.L.* (1881). Tserkovnoe pis'movodstvo [Church records]. Kharkov, 393 p. [in Russian].

Mikhailova, 2014 – *Mikhailova Y.D.* (2014). Preconditions and Reasons of Religions Educational and Missionary Activities of the Russian Orthodox Church in the Late 19th – Early 20th Centuries. *Bylye Gody*, № 34 (4), pp. 566–571.

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia. Crisis. Reform, Counter-Reform. Princeton University, 546 p.

УДК 930.253

Причины подачи и эволюция прошений в составе дел о кадровых перемещениях духовных лиц в XVIII – начале XX вв. (на примере церквей Tobольской епархии)

Александра Владимировна Спичак^{а,*}

^а Нижневартровский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются особенности кадровых перестановок Русской православной церкви (на материалах Tobольской епархии). Рассматриваются документы, сопровождавшие процесс перевода священно- и церковнослужителей в другую церковь, хранящиеся в Государственном архиве Тюменской области в г. Tobольске. Эти материалы, в том числе отражающие состав дел Tobольской духовной консистории о таком переводе, дают возможность выявить причины и проследить процедуру перемещения лиц духовного ведомства. Как свидетельствуют архивные документы, тяжелое финансовое положение являлось главной причиной подачи прошений о переводе священно- и церковнослужителей в синодальный период истории РПЦ. Другими причинами перевода были следующие: для служащих – ограниченное количество прихожан, с которых можно было брать деньги за требы, либо незнание языка коренных жителей, переезд к родственникам ввиду сложных семейных обстоятельств (не связанных с финансовыми вопросами), отсутствие необходимого образования, желание уйти в монастырь (например, с наступлением вдовства), а для уволенных – отсутствие содержания и тех, кто бы мог о них позаботиться; в последнем случае их переводили к церквям или монастырям, где служили их родственники.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spichak-89@mail.ru (А.В. Спичак)

Анализ архивных документов позволил проследить эволюцию формуляра прошения о переводе (середины XVIII – начала XX вв.), причиной которой явилось совершенствование общероссийского делопроизводства (в отличие от учетной и отчетной церковной документации, специальных нормативных актов, касающихся оформления данного вида документов, не было обнаружено, исключением является утверждение требования об обязательном разделении текста прошений на пункты).

Ключевые слова: кадровое делопроизводство, Русская православная церковь, Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, приходские церкви, лица духовного ведомства, их финансовое состояние, перевод в другую церковь, причины кадровых перемещений, прошение о переводе.